

— Иди сюда! — заорал Брат Чэнь на Сяо Дуньэра.

Сяо Дуньэр был еще маленьким, и дома он не смел принимать человеческий облик, оставаясь в своей истинной форме. Только в таком виде, глядя в зеркало, он не видел своего изможденного тела, и мама не волновалась. Услышав крик отца, Сяо Дуньэр поджал шею и медленно подошел.

Когда Сяо Дуньэр подошел к ногам Брата Чэня, тот показал свое истинное лицо.

Он схватил Сяо Дуньэра за шею, одной рукой поднял его в воздух, игнорируя судорожные движения маленьких лапок сына, и угрожающе прошипел:

— Весь в мать! Ничего хорошего из тебя не выйдет! Только ныть! Я что, не кормил тебя или не пускал в школу?

Сяо Дуньэр не мог издать ни звука, боль от удушья заставила его закатить глаза, и смерть казалась совсем близкой.

Если бы Брат Чэнь приложил еще немного силы, Сяо Дуньэр навсегда закрыл бы глаза.

Но Брат Чэнь, похоже, не собирался убивать сына. Он резко размахнулся и швырнул Сяо Дуньэра на пол, из уголка рта мальчика потекла кровь.

Брат Чэнь не испытывал ни капли жалости, он продолжал ругаться:

— Если умрет сейчас, внутренняя пилюля станет бесполезной.

С этими словами он взял полотенце и пошел в ванную.

Сяо Дуньэр, обессиленный, лежал на полу, слезы стекали по его маленькому клюву. Он не понимал, почему все так внезапно изменилось. Мама пропала, а папа теперь так с ним обращается.

Ему так завидно Дань-Даню, он тоже хотел бы быть как Дань-Дань. Дядя Янь хорошо обращается с Дань-Данем, и, даже если Дань-Дань шалит, его не бьют.

Но он сам всегда вел себя хорошо, сидел дома, как говорил папа, почему же его все равно бьют? Так больно, шея болит, все тело болит, слезы не остановить, хотя Сяо Дуньэр не хотел плакать. Папа ведь говорил, что настоящие мужчины не плачут.

Сяо Дуньэр — настоящий мужчина!

Если бы... если бы папа относился к нему лучше, он бы простил его...

Все это видел Цзин Цичэнь. Он сжал губы, глядя на Янь Сюя, который сидел рядом, обнимая Дань-Даня, и вдруг спросил:

— Как думаешь, стоит ли мне ему помочь?

Янь Сюй на мгновение замер, прежде чем ответить:

— Мы не знаем, правду ли говорит Брат Чэнь, нельзя верить только его словам.

— Тем более, это дело не касается господина Цзина, — Янь Сюй действительно так считал.

Отношения между людьми строятся на чувствах, а не на выгоде. Нельзя делать что-то только потому, что кто-то в этом нуждается.

Цзин Цичэнь больше ничего не сказал. Он знал, что должен вмешаться. Когда он переехал сюда, он зарегистрировался. Если в этом районе произойдет что-то серьезное, ему придется иметь дело с человеческими правилами, а это очень сложно.

Янь Сюй вдруг спросил:

— А что насчет Сяо Дуньэра? С кем он останется, если Брат Чэнь и Тетушка Чэнь разойдутся? Я забыл спросить.

Дань-Дань тоже вдруг вспомнил:

— А где братик-курочка? Я хочу с ним поиграть в прятки!

Цзин Цичэнь не хотел вмешиваться, но, глядя в глаза Янь Сюя, на мгновение смягчился:

— Сейчас ему нелегко. Если у тебя есть силы, можешь взять его к себе. Когда все уляжется, разберемся.

Хотя Янь Сюй не очень хорошо знал Цзин Цичэня, он частично понимал его характер. Господин Цзин не был человеком, который лжет или преувеличивает. Если он сказал, что Сяо Дуньэру плохо, значит, дела действительно обстоят ужасно.

— Но у меня нет ключей от их дома, — Янь Сюй задумался. — Если я вызову слесаря, это будет считаться взломом?

Цзин Цичэнь вздохнул. Он не любил кур, но Сяо Дуньэр действительно вызывал жалость. Он сам предложил:

— Я найду способ отправить его к тебе.

Янь Сюй был крайне удивлен и неоднократно поблагодарил:

— Господин Цзин, вы действительно хороший человек.

Цзин Цичэнь остался безучастным: «Да, я тоже считаю себя слишком добрым».

Как ни странно, до появления Дань-Даня Янь Сюй не любил детей. Они казались ему шумными и невоспитанными. Но с появлением Дань-Даня все изменилось. Он начал учиться воспитывать его, объяснять, что правильно, а что нет.

Постепенно он понял, что большинство детей просто не знают, что хорошо, а что плохо. Все зависит от того, как их учат родители.

Отсюда и поговорка: «Если ребенок не воспитан, вина лежит на отце».

— Я отправлю Сяо Дуньэра к тебе, если будут вопросы, спрашивай, — Цзин Цичэнь погладил Дань-Даня, и ему стало немного жаль расставаться с этим яйцом.

Дань-Дань тоже потёрся о ладонь Цзин Цичэня: «Ладонка дяди такая теплая, как и его животик».

— Тогда я пойду, — Янь Сюй не стал спрашивать, как Цзин Цичэнь отправит Сяо Дуньэра к нему домой.

В конце концов, Цзин Цичэнь — человек высокого уровня, у него свои методы, которые он, вероятно, не хочет раскрывать.

Цзин Цичэнь кивнул:

— Тогда я не буду тебя провожать.

Дань-Дань прыгнул в объятия отца и помахал телом, как будто прощался.

Вернувшись домой, Янь Сюй действительно увидел Сяо Дуньэра на своем диване — маленькую, жалкую курочку, чьи перья были покрыты пылью и запекшейся кровью. Ее когда-то блестящие перья потеряли свой блеск и стали тусклыми. Она лежала на диване, не в силах даже поднять голову.

Сяо Дуньэр с трудом открыл глаза и слабо пискнул, не в силах даже пошевелить крыльями.

Каждое движение причиняло ему невыносимую боль.

Дань-Дань прыгнул с рук отца на диван и, встав рядом с братиком-курочкой, старался его утешить. Он не трогал Сяо Дуньэра, боясь причинить ему боль, просто стоял рядом.

— Пи-пи... — Сяо Дуньэр слабо потёрся головой о Дань-Даня, словно говорил ему не волноваться.

«Твой братик-курочка очень сильный! Совсем не больно!»

Сяо Дуньэр даже попытался улыбнуться, но, будучи в своей истинной форме, улыбка осталась незамеченной.

Янь Сюй тихо подошел к Сяо Дуньэру, боясь сделать резкое движение. Он осторожно погладил его, осматривая тело.

Возможно, из-за долгого отсутствия купания, перья Сяо Дуньэра прилипли к телу, обнажая его истощенный скелет. Тот пухлый, бодрый петушок, которого он помнил, исчез. Остался только этот жалкий скелет, один глаз был опухшим, словно его ударили.

Янь Сюй поднял одно крыло Сяо Дуньэра и обнаружил, что кость сломана.

Сяо Дуньэр, несмотря на боль, терпел, смотря на Янь Сюя своими черными глазками, пока тот не закончил осмотр. Только тогда из его глаз скатилась слеза.

«Дядя Янь, мне так больно...»

Была глубокая ночь, луна скрылась за облаками, и даже машины на улице постепенно исчезли, оставив только грузовики, которые могли ездить ночью. Все было тихо, кроме стрекотания цикад.

После осмотра ран Сяо Дуньэра, Янь Сюй даже боялся прикоснуться к нему снова. Сломанное крыло нужно было вправить, иначе лапка Сяо Дуньэра могла остаться искалеченной.

Янь Сюй был разбит, его сердце сжалось, и ему стало тяжело дышать.

Он не хотел верить, что это сделал Брат Чэнь, ведь, несмотря на их конфликт с Тетушкой Чэнь, Сяо Дуньэр был его родным сыном. Даже тигр не ест своих детенышей.

Янь Сюй не был ветеринаром и не знал, как вправить кость и перевязать рану. Боясь навредить, он решил обратиться за помощью к Цзин Цичэню.

Янь Сюй не осознавал, но он начал доверять этому соседу, которого знал всего несколько месяцев.

Возможно, потому что он считал Цзин Цичэня хорошим человеком, заслуживающим доверия.

— Господин Цзин, — Янь Сюй не стал звонить, а просто постучал в дверь, настолько он был взволнован, что забыл о современных технологиях.

Цзин Цичэнь только что вышел из душа, одетый в халат, и открыл дверь.

<http://bllate.org/book/15574/1386772>